

Соприкосновение с Поэзией

послесловие

35

Литература – капризная дама. В свои фавориты она выбирает не всегда самых даровитых и талантливых. К примеру, наши земляки-казанцы поэты Иван Данилов, Геннадий Капранов, Юрий Макаров безусловно достойные всероссийского признания, даже у нас в республике долго оставались в тени, испытывая проблемы с изданием своих книг. У них был нелёгкий поэтический путь, они не умели постоять за свои рукописи, да и, откровенно говоря, были по жизни несобранны, беспечны, относились к своему творчеству не с должным вниманием. А теперь, когда ушли из жизни, мы всё больше и больше понимаем, что они были одними из самых интересных и самобытных русских поэтов республики. В какой-то мере судьба и творчество казанской поэтессы Нэлли Спасовой-Земляниченко схожа с этими, не умевшими встроиться в окружающий прагматичный мир поэтами.

Нэлли Спасова-Земляниченко родилась в 1940 году в Бугульме. Там же, ещё учась в средней школе, начала писать стихи. Как-то 5-классницей, возвращаясь домой из школы, она попала в пургу. Зимней непогоде она посвятила стихотворение. Вот несколько строк из него:

**Пурга сугробами распоясалась,
Волнистой прядкой по улицам стелется.
Люди бранятся: погода адская,
Вишь, разгулялась-то как метелица!**

Проба пера... Не будим судить строго. Но вот отец, в прошлом военный моряк, отнёсся к творчеству дочери довольно жёстко. Юная поэтесса показала ему своё стихотворение, а он её валенком: «Не занимайся чепухой, садись задачи по математике решать!»

Но «чепухой» заниматься школьница не перестала. Она стала ходить в литобъединение, где руководителем был Ринат Суфеев, в будущем известный писатель Роман Солнцев. У него она и получила первые уроки литературного образования.

После школы Нэлли поступила в Елабужский педагогический институт, а затем, переехав в Казань, стала студенткой истфилфака КГУ. Училась на вечернем отделении, а днём работала на стройке. И продолжала оттачивать своё поэтическое перо – ходила в Дом печати на Баумана (центр литературной жизни Казани второй половины прошлого века) в обосновавшееся там литобъединение, руководимое Рустемом Кутуем. Потом было другое ЛитО – под руководством Марка Зарецкого при музее М. Горького. Поэтическая жизнь в Казани тогда кипела, все друг друга хорошо знали, то время дало целую плеяду интересных поэтов.

Затем – Забайкалье, возвращение в Казань. Нэлли Спасова-Земляниченко учительствовала, работала в библиотеке... Пути-дорожки поэтессы хорошо видны в её стихах, в которых, кроме примет биографии, прослеживаются несколько главных тем.

Её стихи о природе, любви к ней, единения с нею даже темой не назовёшь. Белоснежные стволы берёз, светлые луга, сочные травы, прозрачные подснежники, косые дожди присутствуют в творчестве Спасовой-Земляниченко неизменно, как в повседневной жизни у нас. Только у неё с природой, в отличие от большинства

смертных, – самая что ни на есть кровная связь, я бы даже сказал: интимная близость. Особенно проникновенны стихи о поздней осени и зиме:

...Белее снега в мире нет печали,
Светлей его не знаю доброты.

Или:

Я осень позднюю люблю
За листья, ярко умирающие,
За каждый клён,
За тот уют,
Что в нашем доме не бывал ещё.

36

И в самом деле, природа в её стихах зачастую противопоставляется домашней жизни со всеми её бесконечными хозяйственно-бытовыми буднями и однообразием. Нередко поэт, оставив «пустые, несрочные дела», просто-напросто сбегает из дому «смотреть на берёз просветлённые лица» и «душой проясняться» в лесу.

Я давно знаю Нэлли Александровну. По отчеству к ней никто никогда не обращался. Разве что школьники, её ученики? Она сама всю жизнь походила на ученицу, готовую брать уроки у любого встречного-поперечного – широко распахнутые, ясные глаза, постоянно вопрошающий, всему верящий взгляд, в движениях отзывчивость и порыв – помочь, понять, согреть своею такой же распахнутой, как глаза, душой. А в ответ зачастую – равнодушие и обман. Прошу простить за вольность, но я готов сравнить её с какой-то трепетной, доверчивой бабочкой, случайно севшей на занавеску в вашей комнате. Её не то что поймать – её можно просто и не спеша взять двумя пальцами... Быть может, потому-то природа, лишённая возможности обмана, подвоха, предательства, особо ей близка и понятна.

Вот и вышли мы на столбовую её творчества. В одном из сильнейших своих стихотворений «Бегу, и даже некогда упасть» она говорит простодушно:

Среди друзей мне не хватает места –
Врагов не знаю, а друзья не те.

Какое страшное и беспощадное к себе самой признание! Она не боится выглядеть в неприглядном свете – беспомощной, виноватой и даже – нонсенс для женщины! – старой. Она, душой своей оставшаяся в звонком, босоногом детстве, недоумевает: «И вот. Я в этом обвиняюсь. В старости. В чём-то настигающем меня, в незаслуженном, непоправимом». И в сердцах называет старость свинством. Конечно, для человека набожного, готового смиренно принимать «сумрак неминуемый», это звучит вызывающе. Но что поделать – ничто человеческое для поэта не чуждо, ей больно за быстротечность жизни. В своих стихах она продолжает легко и женственно витать в облаках над пыльной суетой и пустым мельтешением, тянуться к прекрасному и высокому.

Мой поезд жизни быстр и одинок.
Когда-то должен он остановиться.
Остановлюсь и я.
Но как далёк
Ещё мой путь до звёзд и совершенства.

Верите – нет, но один из важных постулатов теории относительности как раз в том, что поэты не стареют, они остаются молодыми, «не замечая возраста примет», как астронавты в межгалактических путешествиях к далёким звёздам.

В святой безудержности своих чувств Спасова-Земляниченко порою выбивает-

ся из строгих канонов поэтики. Тут она напоминает одного из упомянутых поэтов, а именно – Юрия Макарова, тоже в творческом порыве вылетавшего за пределы ямбов и хореев, мужских и женских рифм. Но это придаёт её стихам безыскусственность и живость. Стихи Спасовой-Земляниченко – это настоящая поэзия, не почерпнутая в литинститутах или каких-то словорях-интернетах. Как нужно чувствовать и любить природу, весь бескрайний мир, какой надо быть открытой и чувствительной, чтобы написать на первый взгляд такое простое:

**Снежинки прикасаются ко мне –
Я бережнее нежности не знаю.**

И таких неоспоримых ценностей в её творчестве можно брать пригоршнями и показывать честному народу – вот она, поэзия! Не знаю, но даже ведь наименование её на земле нашей как Спасова-Земляниченко удивительным образом соответствует её облику и сути.

Одарённая природой (или Богом) чувствовать поэзию, жить в ней, осознавать и передавать её в своих творениях другим, она за всю свою жизнь смогла поучаствовать лишь в коллективных сборниках. И всё! Да, литературная общественность признавала её поэтическую неординарность, но неприкаянную и непрактичную, не умеющую постоять за себя и своё творчество поэтессу обходили на поворотах проворные и вёрткие борзописцы, выпускали книги, вступали в писательские союзы, занимали должности, поучали других, не таких ретивых, как сами, и красовались, красовались...

Уяснив невозможность издать свои стихи естественным, точнее сказать, установленным для настоящего поэта путём, она подкупила денег и выпустила, наконец, собственный поэтический сборник – небольшой, скромный, за свой счёт. Книга с мизерным тиражом, без грамотного продвижения, естественно, не могла иметь сколь-нибудь достойного резонанса. С тех пор прошло немало лет. Сегодня в стенах Татарского книжного издательства в некоторой мере восстанавливается справедливость – книга Нэлли Спасовой-Земляниченко готовится к печати. Хорошая книга. Знакомство с ней, дорогой читатель, станет соприкосновением с подлинной поэзией, её сущностной природой, которой в наш век так нам не хватает.

